

часть я называю сердцем, то есть желанием, другую – душою, то есть разумом, и передаю разговор одного с другой. И что уместно называть желание – сердцем, а разум – душою, достаточно ясно тем, которые – как мне угодно и приятно – смогут проникнуть в смысл этих стихов. Верно, что в предыдущем сонете я защищал стремления сердца против стремления глаз, и это, кажется, противоречит тому, о чем я пишу в настоящее время. Поэтому я уточняю и говорю, что в предыдущем сонете я равным образом понимал под сердцем – стремление, ибо сильнее было тогда во мне желание предаваться воспоминаниям о благороднейшей даме, чем желание лицезреть другую, хотя уже тогда я ощущал, правда в слабой степени, и это желание. Отсюда видно, что одно высказывание не противоречит другому.

Этот сонет имеет три части: в первой я говорю, обращаясь к этой даме, о том, как все мои желания устремлены к ней; во второй – о том, как душа, то есть разум, обращается к сердцу, то есть к вожделению; в третьей я привожу ответ сердца душе. Вторая начинается так: «Душа узнать стремится...»; третья – так: «Душа задумчивая...»

Благая мысль мне говорит пристрастно
 О вас, пленившей дни мои и сны.
 Слова любви столь сладости полны,
 4 Что сердце, кажется, со всем согласно.
 Душа узнать стремится ежечасно
 У сердца: «Как с тобою пленены?
 Зачем лишь ей одной внимать должны?
 8 Слова иные изгоняешь властно!»
 «Душа задумчивая, – говорит
 Ей сердце, – это дух любви нам новый;
 11 Он мне, таясь, открыл свое желанье.
 А добродетели его основы
 В очах прекрасных той, что нам сулит
 14 И утешение, и состраданье».

XXXIX.

Наступил день, когда против этого неприятеля разума поднялось во мне почти в час ноны могущественное видение. Мне казалось, что предо мной преславная Беатриче, в том же одеянии кроваво-красного цвета, в котором она впервые явилась моим глазам, и казалось мне – она в том отроческом возрасте, в котором я узрел ее впервые. Тогда я погрузился в мысли о ней и вспоминал ее, следуя смене прошедших времен. Сердце мое начало мучительно раскаиваться в желании, столь низменно мною завладевшем в течение нескольких дней, несмотря на постоянство моего разума. Когда же скверное желание это было изгнано, все мысли мои обратились снова к благороднейшей Беатриче. И я говорю, что с тех пор я начал с такой силой думать о ней всем моим устыженным сердцем, что вздохи часто свидетельствовали об этом, ибо все они повествовали о том, что говорило сердце, повторявшее имя Благороднейшей, и о том, как она покинула нас. Случалось, что такую скорбь таила в себе иная мысль, что я забывал и ее, и место, где я находился. Этот новый пожар моих воздыханий воспламенил некогда утихшие рыдания, так что глаза мои, казалось, желали лишь плакать. И часто случалось, что из-за длительной привычки проливать слезы образовались вокруг моих глаз пурпурные венцы, которые обычно появляются у тех, кто перенес мучения. Легкомыслие моих глаз, таким образом, было наказано, как они и заслуживали, так что с тех пор они не могли глядеть на даму, которая снова могла бы ввергнуть их в подобное состояние. Стремясь к тому, чтобы это дурное желание и это тщетное искушение были уничтожены так, чтобы ни малейшего сомнения не вызывали до этих пор написанные мною стихи, я решился написать сонет, в котором я выразил бы смысл этого комментария. И тогда я написал сонет: «Не одолеть мне силу воздыханья»; и в нем я сказал «увы», ибо мне было стыдно за то, что глаза мои столь заблуждались.